

А. Н. ТОЛСТОЙ И Р. РОЛЛАН. К ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ

Л. К. Куванова

Весной 1932 г., находясь в Сорренто, Толстой говорил Горькому о своем желании встретиться с Роменом Ролланом. «О своем свидании с Вами мечтает и Алексей Толстой, который в данное время гостит у меня, талантливейший литератор, автор первого у нас действительно исторического и замечательного романа „Петр I“, но — он едет со мною в Москву»¹, — писал Горький тогда же Ромену Роллану.

Летом 1935 г. Ромен Роллан с женой посетили Советский Союз. Они пробыли в Москве около месяца, но в это время Толстой находился в Париже — он принимал участие в работе Первого международного конгресса в защиту культуры.

Весной 1937 г., на обратном пути из Лондона, где в марте — апреле 1937 г. проходил второй конгресс мира и дружбы с СССР, Толстой заехал в Париж. Он провел во французской столице две недели, однако встретиться с Ролланом ему также не удалось.

По возвращении в Москву из этой поездки 12 апреля 1937 г. Толстой дал интервью, в котором сообщил о выходе из печати в Париже романа «Петра I» в хорошем французском переводе². Вероятно, позже именно это издание было подарено им Роллану.

Встреча Толстого с французским писателем состоялась летом того же 1937 г., когда Толстой в составе делегации советских писателей участвовал в работе Второго международного конгресса ассоциации писателей в защиту культуры, проходившего сначала в Испании, затем — в Париже. Встреча состоялась, очевидно, в конце июля или в первой половине августа 1937 г., поскольку 23 августа Толстой уже вернулся в Москву.

Вдова Роллана Мария Павловна Ромен Роллан писала автору сообщения в письме от 17 февраля 1983 г. в ответ на просьбу прислать материалы, касающиеся отношений Р. Роллана с А. Н. Толстым: «У меня имеется французский перевод романа Алексея Толстого „Петр Первый“ с собственноручным посвящением Толстого Роллану. Но я не знаю, где находится эта книга, и не могу Вам немедленно дать копию этого посвящения. Кроме того, в 1939 (или, может быть, в 1938 году) делегация советских писателей приехала в Париж и обратилась к Ромену Роллану с просьбой их принять. Мы жили уже в Везеле, в трехстах пятидесяти километрах от Парижа, но мы случайно находились в Париже у одного друга Романа Роллана, который имел там дом. Вот там Ромен Роллан и принял делегацию.

Я нашла в бумагах Романа Роллана машинописные копии его дневников 1938 г., две страницы которых я Вам прилагаю в фотокопиях. <...> Я Вам посылаю только то, что я нашла; рукописи дневников Романа Роллана через несколько месяцев после его смерти

я передала в Национальную библиотеку. Право пользования ими на месте, в случае необходимости, сохраняется за мной, но у меня сейчас абсолютно нет возможности заниматься этим делом. <...>

Я полагаю, что тексты, которые я Вам посылаю, в настоящее время опубликовать невозможно ... должно пройти время, когда все это станет достоянием истории и не будет вызывать ненужных истолкований»³.

Присланные М. П. Ромен Роллан фрагменты из дневника ее мужа представляют собой две страницы машинописного текста с номерами авторской пагинации — «55—56» — и с обозначением времени записей: «Апрель 1937 — январь 1938». Эта дагировка, возможно, и ввела в заблуждение автора письма, решившую, что Роллан встретился с Толстым и советскими писателями в 1938 г. (что не соответствует действительности, поскольку поездка Толстого в июле—августе 1937 г. была его последней заграничной поездкой).

Дневниковые записи Роллана содержат беглые заметки, в которых перечислены участники встречи; среди них названы, кроме Толстого, Фадеев, Вишневский, Барто и др. Членов советской делегации сопровождал Луи Арагон, он же выполнял обязанности переводчика в беседе французского писателя с его советскими коллегами. Ему помогали М. П. Ромен Роллан и Л. И. Толстая. Разговор вращался вокруг московских новостей, касался вопросов советского театра, сюжетов пьес и пр.

Зная со слов Горького о Толстом, Роллан внимательно приглядывался к нему, набрасывая для себя черты его портрета. От наблюдательного взора писателя не скрылось состояние сосредоточенности, самоуглубленности и даже подавленности Толстого, которое он объяснил недавно пережитой смертью Горького.

В числе вновь поступивших в Отдел рукописей ИМЛИ материалов находится письмо Ромена Роллана, содержащее отзыв на «Петра Первого». Оно было частично опубликовано при жизни Толстого⁴. Приводим полный текст этого письма в переводе с французского.

Вильнёв (Ванд), вилла Ольга.
10 октября 1937.

Дорогой друг!

Я очень тронут присылкой Вашего „Петра I“. Прочел, вернее перечел (поскольку моя жена уже читала мне роман частично по русскому тексту), эту гигантскую замечательную эпопею. Я восхищен мощью, неисчерпаемой творческой щедростью Вашего таланта. Среди интеллигентов-писателей такая творческая мощь — редкость. Меня особенно поражает в Вашем искусстве, твердом и правдивом, умение лепить персонажи в окружающей их обстановке. Ваши персонажи составляют неотъемлемую часть воздуха, земли, света своего времени. Вы умеете выражать тончайшие оттенки этой среды одним взмахом кисти.

Будьте добры, пришлите мне следующий том во французском переводе. Я хочу непременно прочесть продолжение, хотя перевод, как

бы он удачен ни был, естественно, не может передать всего богатства языка романа.

Я хотел бы послать Вам взамен какое-либо свое произведение, которое стоило бы прочесть, но в настоящий момент у меня печатается только новый большой том о Бетховене⁵ (о его последних произведениях); том должен появиться в конце года, но я не знаю — интересуетесь ли Вы музыкой. Я делаю попытку раскрыть за языком звуков, который у Бетховена так точен, если не более, как язык слов, подсознательность его творчества.

Ромен Роллан»⁶

В 1965 г. М. П. Ромен Роллан передала в ИМЛИ фотоконпии писем русских и советских писателей и деятелей культуры Роллану, в том числе и ответное письмо Толстого⁷. Приводим полный текст этого письма.

На письме значится дата «3 октября 1937 г.», но на самом деле оно было написано, очевидно, месяцем позже, т. е. 3 ноября 1937 г., на что указывает содержание письма.

«3/X 1937

г. Пушкин, Пролетарская, 4

Дорогой друг, нет большей радости, — когда мысли и чувства, уплотняемые нами в ритмы слов, возвращаются к нам, как многократное эхо. Спасибо Вам, что Вы прочли мою книгу и так написали о ней.

Сейчас я закончил роман „Хлеб“, первые экземпляры должны выйти к празднику, т. е. к 7-му ноября. По-видимому, мы все считаем каждое свое новое произведение — лучшим. Мне тоже кажется, что этот роман — лучшее, что я написал.

В нем говорится о начале реализации идей переустройства человеческого общества, о том, как идеи нашей революции, — подобно тому, как художник превращает свои замыслы в осязаемые образы, — делались поведением человеческих масс и отдельных людей. Тема романа — в строках:

„Вместо хлеба, дров для печки и теплой одежды, нужных сейчас, немедленно, — революция предлагала мировые сокровища, революция требовала от пролетариата, взявшего всю тяжесть власти, всю ответственность диктатуры, — усилий, казалось, сверхчеловеческих. И это, и только это спасло революцию: величие ее задач и суровость ее морального поведения...“⁸

В романе мало отрицательных персонажей. Мне больше не хочется писать ни о ничтожестве маленьких душ, ни о человеческой мерзости, мне не хочется изображать из моего искусства зеркало, подносимое к физиономии подлеца.

Зачем обращать свой взгляд на огромные груды мусора, устилающие путь, по которому шествует человеческий гений? Зачем разглядывать в увеличительное стекло его подметки? У искусства — другие, более высокие и необозримые, восхитительные и величественные задачи: — формирования новой человеческой души.

Я стараюсь сделать мой роман занимательным — таким, чтобы его начать читать в полночь и кончить под утро и опять вновь перечитать. Занимательность, по-моему, — это композиция, пластичность и правдивость. Во всяком случае, я горю нетерпением, чтобы Вы его прочли.

С нетерпением моя жена и я будем ждать Вашу книгу о Бетховене.

Крепко жму Вашу руку, дорогой друг.

Привет Вам и Марье Павловне от моей жены.

Ваш Алексей Толстой»⁹

Очевидно, Толстой предполагал послать Роллану свой только что завершенный роман «Хлеб»: в его личной библиотеке сохранилась книга «Хлеб» (Оборона Царицына. М.; История гражданской войны, 1937) с дарственной надписью автора на французском языке. Приводим текст этой надписи (в переводе с франц.)

«Дорогой Ромен Роллан!

Я посылаю Вам эту книгу с самыми глубокими чувствами уважения и дружбы. Я знаю, какое внимание Вы уделите этим страницам истории русского народа, сражающегося за свое счастье.

Алексей Толстой

12 марта 1938.

Пушкин. СССР»¹⁰.

Публикуемые материалы приоткрывают интересную страницу творческих контактов писателя с его зарубежными коллегами.

¹ Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т. М.: ГИХЛ, 1955, т. 30, с. 250.

² См.: Правда, 1937, 13 апр.

³ Подлинник письма (на франц. яз.) хранится у автора наст. сообщения. Пер. на рус. яз. Л. Кувановой.

⁴ Ленинградская правда, 1937, 4 нояб.

⁵ Изучению жизни и творчества Бетховена Ромен Роллан посвятил более 30-ти лет; первая его книга на эту тему — «Бетховен» — вышла в 1903 г., последняя, которая, очевидно, и имеется в виду, — в 1938 г. («Песнь Воскресения». Париж, 1938).

⁶ ИМЛИ, ф. 43, оп. 4, п. п. Пер. на рус. яз. Л. Кувановой.

⁷ См. обзор этих писем в кн: Ромен Роллан. 1866—1966: По материалам юбилейной сессии ИМЛИ. М.: Наука, 1968, с. 207—244.

⁸ Строки, раскрывающие тему произведения, взяты Толстым из 2-го раздела 9-й главы повести «Хлеб».

⁹ ИМЛИ, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 30.

¹⁰ Книга хранится в Государственном литературном музее (Москва). Пер. на рус. яз. Л. Кувановой.